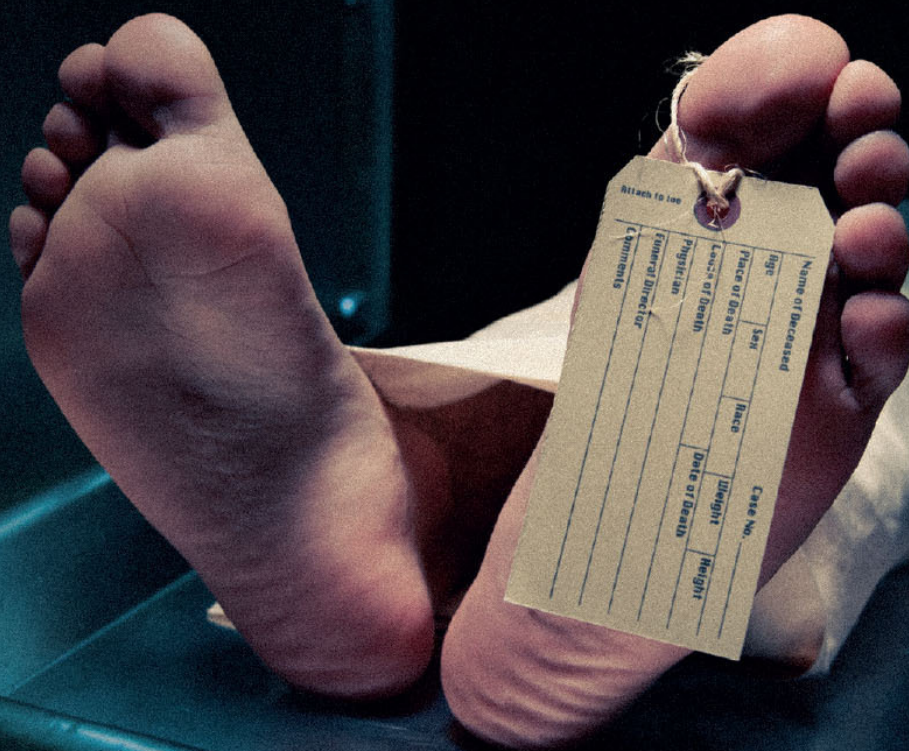

Под научной редакцией **КАРИНЫ РЫТОВОЙ**,
врача судмедэксперта, автора блога **@CORONER_RYTOVA**

РАЗГОВОР С ТРУПОМ

О самых изощренных
убийствах, замаскированных
под несчастные случаи

ФИЛИПП БОКСО

ведущий судмедэксперт Бельгии

Неестественные причины. Книги о врачах, без
которых невозможно раскрыть преступление

Филипп Боксо

**Разговор с трупом. О
самых изощренных
убийствах, замаскированных
под несчастные случаи**

«ЭКСМО»

2023

УДК 340.6
ББК 67.5

Боксо Ф.

Разговор с трупом. О самых изощренных убийствах, замаскированных под несчастные случаи / Ф. Боксо — «Эксмо», 2023 — (Неестественные причины. Книги о врачах, без которых невозможно раскрыть преступление)

ISBN 978-5-04-194910-5

Эта книга — не просто увлекательное чтение, ее автор, судмедэксперт Филипп Боксо, собрал реальные поразительные случаи из своей врачебной практики, которые заставят вас смеяться, плакать и повергнут в шок. Действительность богаче всех фантазий, а человеческое воображение воистину безгранично, когда речь идет о том, чтобы убивать других, убивать себя или прятать тело после убийства. Вы узнаете: - О пропавшем молодом человеке, скелет которого нашли спустя 25 лет в пещере. - О мумии, из которой кто-то вытащил все внутренние органы. - О муже, который сжег свою жену в собственном саду и удачно скрывал это два года. - О фермере, который пустил тело своей жены на корм свиньям. ФИЛИПП БОКСО, судмедэксперт с более чем 30-летним стажем, описывает свои рабочие будни в морге, рассказывает о загадочных исчезновениях трупов, шокирующих способах сокрытия убийств, необычных самоубийствах. Все его истории не выдуманы — они основаны на реальных событиях. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 340.6
ББК 67.5

ISBN 978-5-04-194910-5

© Боксо Ф., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Введение	8
Как становятся судмедэкспертом?	10
Место преступления	13
Оживший покойник	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Филипп Боксо

Разговор с трупом: о самых изощренных убийствах, замаскированных под несчастные случаи

Les morts ont la parole: Philippe Boxho, médecin légiste, fait parler les cadavres. Âmes sensibles s'abstenir! by Philippe Boxho
Copyright ©Kennes Éditions 2023

© Бондаревский Д.В., перевод на русский язык, 2023

© Гусарев К.С., художественное оформление, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Введение

Замысел книги, которую вы держите в руках, родился у меня благодаря желанию рассказать о буднях судебно-медицинского эксперта. Я в этой профессии уже более 30 лет. Несмотря на огромную роль судебной медицины, этой областью не очень интересуется широкая публика. Исключением являются только криминальные сериалы и детективы, но часто все, что там происходит, имеет мало общего с действительностью. Для меня было важно показать, как все происходит на самом деле. Мне хочется приоткрыть занавес профессии, окутанной многочисленными мифами и легендами, и познакомить читателей с реальностью. Я предлагаю вам посетить места некоторых преступлений и несчастных случаев.

Стоит сказать, что я специально решил не рассказывать вам о самых известных трагедиях, случившихся в период моей работы в Льеже (моя профессиональная деятельность охватывает главным образом провинции Льеж и бельгийский Люксембург). Так, например, я не буду говорить об автомобильной катастрофе в Ставло в 1998 году, когда грузовик понесло на крутом спуске и он взорвался в исторической части города; о деле Стаси и Натали – двух маленьких девочек, которых похитили и убили в 2006 году в районе Сен-Леонар в Льеже; о взрыве газа на улице Леопольда в Льеже, жертвами которого стали 14 человек, погибшие в результате пожара и обрушения двух зданий; о террористическом акте на площади Сен-Ламбер в 2011 году, когда некий Нордин Амрани открыл огонь по толпе, убив и ранив многочисленных прохожих, в том числе и школьников; о теракте на бульваре д'Авруа в 2018 году, когда Бенжамен Эрман убил двух женщин-полицейских и одного молодого человека, перед тем как его застрелили сотрудники правоохранительных органов. Каждый может получить всю необходимую информацию по этим трагедиям, так как воспоминания о них все еще ярки как у родственников жертв, так и у обеспокоенного общества.

Я принял решение познакомить вас с менее выдающимися происшествиями – обычными историями из практики судмедэксперта. Такие лучше всего отражают нашу работу: как особенности расследуемых дел, так и открытия, которые мы совершаем на службе правосудию и на благо науки. Именно поэтому речь пойдет о самых изобретательных самоубийствах, замаскированных под несчастные случаи убийствах, бурных дебатах во время заседаний суда присяжных и некоторых очень необычных несчастных случаях. Разумеется, повествование будет деликатным и беспристрастным в соответствии с общими принципами профессиональной этики.

Я также решил не писать об этих историях в слишком жалостливом тоне: для умершего человека смерть не является трагедией, как не является ею и для специалиста – это всего лишь часть его работы. Каждый исследуемый мной умерший человек – неодушевленный объект изучения, который обретает личность лишь тогда, когда ко мне обращаются его родственники. Вот поэтому я не люблю встречаться с ними до того, как изучу покойного. Лучше всего – только после вскрытия по желанию родственников и с разрешения судьи.

Судебная медицина – увлекательная профессия. Вы сами убедитесь в этом по мере чтения моих рассказов. Все они основаны на реальном опыте. То уважение, которое следует проявлять по отношению к покойному, ничем не отличается от уважения к живому человеку, и я всегда считал, что провожу исследования и вскрытия во имя этого уважения – в поисках причин смерти. Поэтому не следует удивляться тому, что я описываю эти истории в юмористическом стиле – это ни в коем случае не говорит о пренебрежении к покойному.

Мы так привыкли к смерти, что нас может забавлять она и даже ее обстоятельства, но мы всегда уважаем умершего.

Наконец, все эти истории достоверны в той же степени, в какой достоверны судебно-медицинские выводы. Разумеется, чтобы сделать чтение более приятным, я придал им художе-

ственную форму, иначе они бы так и остались обычными судебно-медицинскими протоколами. Я использовал вымышленные имена, а также сформулировал внешний контекст этих историй или, по крайней мере, ту их часть, которая оставалась для меня неизвестной. В остальном все, что вы прочитаете в этой книге, является отражением реальности. К тому же в выдумках нет никакой необходимости, ведь действительность богаче всех фантазий, а человеческое воображение – вы убедитесь в этом сами – воистину безгранично, когда речь идет о том, чтобы убивать других, убивать себя или прятать тело после убийства.

Как становятся судмедэкспертом?

Я легко представляю себе первый вопрос, который приходит вам в голову – именно его мне задают чаще всего на протяжении всех 30 лет моей карьеры: «Как становятся судмедэкспертом?» Если вы думаете, что одним прекрасным утром я проснулся с осознанием, что хочу стать судмедэкспертом, то вы заблуждаетесь. Как и во всех остальных случаях (в конечном счете судмедэксперт – это такая же или почти такая же профессия, как и любая другая), этот выбор стал результатом долгого размышления, определенных встреч и стечения ряда обстоятельств.

Когда мне было 18 лет (а в этом возрасте нет ничего невозможного), я хотел быть священником.

Я вырос в католической семье, постоянно бывал на мессах по субботам и воскресеньям и даже читал Евангелие и участвовал в причастии вместе с кюре¹ нашего прихода – священнослужителем со строгим видом и доброй душой. Я учился в церковной школе у отцов-иезуитов и все еще не мог определиться со своим будущим. Меня очень привлекал духовный сан, я обожал изучать Евангелие, встречаться с людьми, помогать тем из них, у которых была в этом потребность, и чувствовал себя готовым к служению Богу.

На протяжении многих лет я сопровождал друзей, совершавших паломничество в Лурд; среди них был один отец-иезуит, с которым я поддерживаю прекрасные отношения с моих 15 лет. Нас на несколько недель летних каникул гостеприимно приняли монахи Братства Лурдской Богоматери. Это было летом 1983 года. Я помогал в церкви при купели, когда туда пришел епископ диоцеза². Совершив омовение, он вышел из помещения, и я пошел за ним, чтобы поговорить о своем призвании. Мы сели на скамейку на берегу реки Гав-де-По, на которой и стоит город Лурд, и побеседовали не многим менее часа. Епископ посоветовал мне сначала получить аттестат о среднем образовании и поступить в университет, а затем уже прийти к нему, если мои намерения останутся прежними. Эта встреча буквально окрылила меня, и я решил последовать его совету.

Университет располагался в большом, довольно мрачном и впечатляющем здании, которое находилось в самом центре моего города, Льежа. Я долго не мог выбрать между медицинским и юридическим факультетом. Эти профессии очень отличались друг от друга, но их объединяло то, что и в том и в другом случае они обращались к человеку общим образом и позволяли разрешать проблемы, с которыми он сталкивался. Я поднялся по широкой лестнице, которая вела на этаж, где находился ректорат – там принимали документы. Тогда они заполнялись от руки, так как компьютеры еще были в диковинку, интернет не существовал, а телефоны висели на стене. Рассказывая об этом сейчас, чувствую себя динозавром. Так вот... я стоял в коридоре и долго не решался войти. Какой все-таки факультет – юридический или медицинский? Принимая решение, я столько раз подбрасывал монетку, что количество результатов в пользу каждого факультета сравнялось, а это мне нисколько не помогало. Так я провел целый час. Приемная комиссия должна была уже закончить свою работу. Я отдавал себе отчет в том, что, если я вернусь туда на следующий день, ситуация вряд ли изменится. И тогда меня осенило: я войду вслед за студентом, работающим в приемной комиссии, который первым придет вызывать очередного абитуриента. На медицинский факультет документы принимала девушка, а на юридический – парень. Они подошли к двери одновременно. Парень вежливо пропустил девушку вперед, и поэтому я поступил на медицинский.

---

¹ Во Франции, Бельгии и некоторых других странах: католический приходской священник.

² Церковно-административная территориальная единица.

Учиться мне было очень интересно: профессора увлекательно читали лекции, и я открывал для себя науку. Раньше я специализировался только на греческом и латинском языках, изучение которых имело мало общего с естественными дисциплинами. После первого курса я снова встретился с льежским епископом ван Зейленом и признался ему в том, что отказался от своего намерения стать священником. Он не выразил особого удивления. По его словам, я не верил в Бога по-настоящему, а просто испытывал интеллектуальную жажду. Епископ был прав, но мне понадобилось еще несколько лет, чтобы окончательно убедиться в этом. Я стал атеистом, но мой атеизм не носит антиклерикальный характер, а среди моих друзей даже есть несколько священников, в том числе и из религиозной организации *Opus Dei*, а также священники, лишенные духовного сана. Впрочем, мне жаль, что я утратил веру. Иметь надежду – это так прекрасно!

Время шло, и я начал изучать топографическую анатомию, то есть специализироваться на вскрытиях. Это обучение продлилось четыре года, и оно позволило мне получить очень глубокие знания в области строения человека. Тогда я еще не знал о том, что в жизни эти знания мне очень пригодятся. В течение месяца вместе со своим однокурсником я участвовал в исследовательских работах, посвященных пересадкам кожно-мышечных лоскутов. В частности, мы занимались пересадкой широкой мышцы спины под руководством профессора Фиссетта. Тот однокурсник, ставший в дальнейшем блестящим нейрохирургом, разработал метод, который позволял визуализировать кровеносные сосуды и их различные разветвления, но для этого нужен был специальный рентгенологический аппарат. Ближе всего ко мне тогда был аппарат судмедэкспертов – так я впервые установил контакт с Институтом судебно-медицинской экспертизы. Меня заинтересовала техника вскрытия, и я обратился к профессору Андре с просьбой разрешить мне присутствовать на аутопсии. Такая просьба могла быть выполнена только в случае прохождения стажировки по судебно-медицинской экспертизе на законных основаниях, что вполне было возможно, учитывая перечень направлений, предлагаемых нам университетом, и поэтому я выбрал именно ее. По ее окончании профессор Андре и сменивший его профессор Браи предложили мне место ассистента, но я от него отказался. Тогда я хотел быть врачом-терапевтом.

По завершении учебы я должен был отслужить в армии. У меня не было никакой возможности уклониться от службы, так что я с радостью согласился с неизбежным. Я говорил себе, что служба в армии могла бы быть очень полезным опытом, а поскольку у меня также не было никаких законных оснований оставаться в Бельгии, я был вынужден на год оказаться в составе бельгийских вооруженных сил, дислоцированных в Германии. После месячной подготовки в Генте меня отправили в Германию, в Верль, в третий артиллерийский батальон. Я прослужил там год и участвовал во всех передислокациях и маневрах, во время которых мне довелось дважды попасть на остров Крит и много раз летать на вертолете *Alouette II*. Но самым интересным для меня стала возможность оказывать медицинскую помощь не только военным, но и их семьям. В число моих потенциальных клиентов сразу попали 1500 человек – в обычной жизни о таком количестве пациентов начинающему врачу, не имеющему опыта, можно было только мечтать. Я был очень счастлив в то время – это был прекрасный период. Признаюсь, что я расстался с армией с большим сожалением.

Возвращение на гражданку оказалось для меня резким и болезненным. Я открыл кабинет общей терапии и уже через 2 недели получил звонок, который изменил всю мою жизнь. Профессор Браи пригласил меня на обед, чтобы поговорить о моих планах. Через несколько дней, 8 октября 1991 года, мы встретились в ресторане *L'Entrecôte* недалеко от Института судебно-медицинской экспертизы. Мне очень нравилось не только расположение ресторана, но и его анатомическое название, ведь «антрекот» буквально значит «между ребрами». Жорж ждал меня, погрузившись в изучение меню, хотя и знал его наизусть. Мы поговорили, и, так как мне не хотелось отказываться от общей врачебной практики, мы договорились, что я буду работать

в отделении судебной экспертизы на полставки. С 9 октября я стал внештатным ассистентом судмедэксперта.

В течение 2 лет я занимался частной практикой в качестве терапевта и изучал судебную медицину, а также проходил стажировку по определению степени тяжести причиненного вреда здоровью. Мне было очень трудно совмещать эти профессии, ведь работа врачом-терапевтом требует готовности в любой момент приехать по вызову... и того же требует работа судмедэкспертом. К тому же, чтобы продолжать учебу в качестве судмедэксперта, мне надо было получить степень магистра в области криминалистики. В то время судебная медицина еще не существовала в качестве самостоятельной профессии, поэтому этот этап был обязательным условием. Итак, я столкнулся со сложным, но неизбежным выбором в духе Корнеля – между чувством и долгом, – но в конце концов выбрал судебную медицину. Она стала моим настоящим увлечением и призванием, хоть я и пришел к ней не сразу. И я никогда не пожалею об этом выборе.

Место преступления

Сериалы невозможно не знать: с начала 2000-х годов они заполнили экраны телевизоров и прочно вошли в нашу жизнь. На них выросло целое поколение. Не будем скрывать: во многом они способствовали популяризации профессий в области криминалистики и судебно-медицинской экспертизы. Но прежде чем перейти к основной части моей книги, мне бы сначала хотелось объяснить, как все происходит на самом деле, а потом – развенчать самые распространенные мифы и заблуждения.

Всем известна аббревиатура, соответствующая английскому названию сериала «C.S.I.: Место преступления» – Crime Scene Investigation («Расследование на месте преступления»). Это новое направление, получившее широкое распространение с тех пор, как ДНК-экспертиза стала решающим фактором в раскрытии многих преступлений. Для регламентирования использования результатов ДНК-экспертиз в тексты законов ряда стран даже были внесены соответствующие изменения, и расследование на месте преступления стало проводиться с учетом этих поправок.

Основой современной криминалистики служат 3 принципа, и цель у них двойная – идентифицировать преступника и установить способ совершения преступления.

Первый принцип стал базовым для криминалистики, получив известность как принцип Локара. В 1910 году врач и юрист Эдмон Локар (1877–1966) учредил в Лионе первую в мире научную полицейскую лабораторию. В память об этом событии Интерпол разместил свою штаб-квартиру в этом же городе. В упрощенном виде идею Локара можно выразить следующим образом: «Каждый контакт оставляет след». Этот гениальный судмедэксперт опередил свое время: о ДНК тогда не догадывались, а современные методы расследования преступлений еще не существовали, но Локар уже знал о том, что любой контакт преступника с предметом или человеком из его окружения не проходит бесследно.

Нить из одежды, оставленная преступником на теле его жертвы, или одного только волоса уже достаточно для продвижения расследования... но действительность отличается от американских сериалов, в которых преступления всегда раскрываются благодаря одним лишь следам. На самом деле это помогает не так уж часто – за 30 лет работы судмедэкспертом я знаю только 3 таких случая. Очень часто результаты, предоставленные лабораторией, полезны для расследования и являются одной из его движущих сил, но для разоблачения преступника необходимы и другие доказательства.

Поиск следов на месте преступления привел к появлению специализации сотрудников лаборатории в уголовном розыске. Эти сотрудники входят в состав оперативно-технической службы полиции – так называемые эксперты-криминалисты или просто лаборанты. Их специально обучают идентификации, взятию проб и сохранению следов, обнаруженных на месте преступления – проще говоря, улик.

Чтобы находить максимальное количество значимых следов, потребовалось научить всех тому, как сохранить место преступления в неприкосновенном виде. Так появился сам термин «место преступления», соответствующий английскому crime scene. Он может применяться ко всем местам, где произошло то или иное правонарушение, поэтому в широком смысле речь идет не только о местах, где происходили убийства, но и о местах кражи или даже несчастных случаев, хотя в последнем примере больше уместно понятие «место происшествия».

Каждое место преступления уникально в своем роде, но тем не менее оно соответствует общей схеме. Территория вокруг того места, где произошло преступление, огораживается сигнальной лентой, и доступ к нему ограничивается. Это может быть комната, в которой нахо-

дится тело жертвы, или зона в несколько квадратных метров, если убийство произошло вне помещения. Зайти в эту область могут только эксперты-криминалисты в специальных защитных комбинезонах из материала тайвек (Tyvek): он не выделяет волокнистого ворса, что позволяет обнаружить только те ворсинки, которые остались после встречи жертвы и преступника. Комбинезоны из тайвека химически нейтральны и закрывают все тело, включая волосы. Как известно, в среднем в сутки мы теряем около 100 волосинок, каждая из которых содержит ДНК – наш уникальный, безошибочно идентифицирующий нас генетический код. Словом, есть чем загрязнить место преступления. Эксперты также используют перчатки, чтобы не оставлять отпечатков пальцев, и маску, чтобы не допустить попадания слюны, в которой также присутствует ДНК. Кроме того, им необходимы бахилы, чтобы обеспечить сохранность улик на месте преступления. Эти бахилы должны быть сделаны из наиболее нейтрального материала, чтобы ни в коей мере не помешать исследованиям. Никто не может проникать на огороженную территорию без разрешения экспертов-криминалистов.

Вокруг нее создается еще одна – так называемая территория изоляции. На ней находятся все участники расследования, полицейские, судьи и криминалисты перед тем, как войти непосредственно на место преступления. Это зона безопасности, где судья получает первоначальную информацию и принимает решение о первых мерах в рамках расследования. Именно здесь оно и начинается. После этой зоны идет третья, последняя – «зона сдерживания». Там присутствуют близкие умершего человека, перед тем как ими займутся врачи и психологи, а также следователи, соседи, журналисты и даже зеваки.

Если актеры в сериалах обладают модельной внешностью и разъезжают в роскошных автомобилях, то в действительности все обстоит несколько иначе. Однажды в доме произошла кража. Полиция, приехав, констатировала, что там царит полный беспорядок. Так как собственница ни к чему не прикасалась и, выходит, место преступления осталось в нетронутом виде, полицейские позвонили в криминалистическую лабораторию для обнаружения следов, которые могли оставить преступники. В тот день дежурил мой друг Жан-Робер – крупный мужчина ростом 1 метр 86 сантиметров и весом 105 килограммов. Он носил бороду и почти всегда улыбался. Полицейские уехали, но предупредили собственницу: «Ничего не трогайте. Сейчас приедут эксперты-криминалисты». «Вот это да! – подумала хозяйка. – Эксперты-криминалисты! Все будет как в сериале “C.S.I.: Место преступления”». Она думала, что в качестве утешения воочию увидит красавчика из сериала, но Жан-Робер приехал за рулем... служебного «Рено-Кангу». Пока он пытался припарковаться, хозяйка подошла к нему и сказала: «Нет, нет! Пожалуйста, не ставьте здесь машину – это место для экспертов-криминалистов». На что Жан-Робер ответил: «Мадам, эксперт-криминалист – это я». Хозяйка явно была разочарована, но Жан-Робер стоически пережил этот удар по самолюбию.

Второй принцип криминалистики связан с именем бельгийского математика и одного из родоначальников научной статистики Адольфа Кетле (1796–1874). Я резюмирую его идею следующим образом: «Каждый объект уникален». Он был убежден в этом еще во времена, когда в его распоряжении не было средств, которыми мы располагаем сегодня. В наши дни существуют методы, позволяющие поразительно точно установить связь между оружием и выпущенной из него пулей, следом и подошвой обуви, волосом и его хозяином, автокраской на придорожном столбе и типом машины, волокном и свитером, отпечатками пальцев и человеком и т. д. Для каждого типа этих вещественных доказательств есть отдельный эксперт-криминалист с соответствующей специализацией.

Не следует путать судебных экспертов с экспертами-криминалистами, присутствующими на месте преступления. В жизни, в отличие от сериалов, это разные профессии, которыми хоть и может заниматься один и тот же человек, но это скорее исключение, нежели правило. Существуют самые разные эксперты: специалисты по синтетическим волокнам, по волокнам животного происхождения, по лампочкам для фар, по автокраске, по транспортным средствам, по

пожарам, по информатике, по баллистике, по отпечаткам следов обуви, по пороху, по земле, по токсикологии, по отпечаткам пальцев, по судебной медицине и так далее. На самом деле в любой области, в том числе и в самой неожиданной, бывают соответствующие научные специалисты. Я даже встречался с экспертом по зонтикам! Такие люди входят в число тех, кого принято называть представителями научной полиции, хотя среди них очень мало настоящих полицейских.

Моя специальность, судебная медицина, относится к криминалистике. В мои задачи входит поиск преступника и определение способа совершения преступления. Для этого прежде всего необходимо ответить на 2 вопроса: «От чего скончалась жертва?» и «Когда наступила смерть?»

Для рассказа о третьем принципе криминалистики я не нашел никаких выдающихся персоналий, но я могу передать его следующим образом: «Если след утрачен, то он никогда не возвращается». След неустойчив. Волос или волокно улетит, отпечатки пальцев или следы крови сотрутся. А эксперты-криминалисты и сам концепт места преступления нужны как раз для того, чтобы сохранить улики.

Так в чем же разница между сериалами и реальностью?

Прежде всего в одежде. В сериалах на месте преступления никто не надевает защитные комбинезоны, хотя они действительно необходимы. Во Франции, как и в Бельгии, отсутствие защитной экипировки свидетельствовало бы о профессиональной ошибке. Все дело в том, что комбинезоны, которые надевают эксперты-криминалисты, скорее напоминают мешки – они не очень элегантны и не производят должного кинематографического эффекта.

В сериалах также есть и другие нелепости – одни несуразнее других, особенно с точки зрения экспертов, к которым принадлежу и я. Так, в одном из сериалов я видел кровоточащий деревянный протез. Судя по всему, речь шла о первом в мире нейроваскулярном деревянном протезе! В другом сериале я столкнулся с тем, что проломленный череп точно воспроизводил форму того предмета, которым был нанесен удар, подобно отпечаткам пальцев, что на практике невозможно. Еще в одном сериале было имитировано разложение тела в жидкой среде, но вместо раздувшегося тела обнаружилось, что кожа жертвы отделилась от лица. По сценарию девушка утонула в бассейне с шампанским, на дне которого нашли контактную линзу с возможными следами ДНК, но и это невозможно из-за разрушительного воздействия спирта на клетки и содержащуюся в них ДНК.

Это еще не все! Когда тело обнаруживают, то само место преступления всегда очень чистое, что особенно заметно, если речь идет о жилой комнате. Складывается впечатление, что это место специально убирали перед совершением преступления с одной-единственной целью – убедиться в том, что все следы, которые там присутствуют, связаны с убийством. В действительности те места преступлений, на которые выезжают специалисты, обычно находятся в ужасно грязном состоянии. Вы удивились бы, узнав, сколько людей живет в невероятной грязи! Вакцинация от столбняка будет явно не лишней.

В сериалах 20-летней давности эксперты-криминалисты могли делать все что угодно. К счастью, сегодня дело обстоит не так однозначно, и у каждого из экспертов есть своя специализация. Это отличный повод напомнить одно правило: «Хорошо получается та работа, которая привычна». Хотя неудачи бывают и в этом случае.

Эксперты-криминалисты, которых показывают в сериалах, существуют только в зрелищных сценах – например, когда с помощью паров цианоакрилата в своеобразном стеклянном аквариуме на предметах обнаруживаются отпечатки пальцев, после чего они фотографируются и вводятся в базу данных. Действительно, так и происходит, когда речь идет о предметах среднего размера. И я всегда поражаюсь, какое огромное число идентификаций в сериалах осуществляется именно благодаря отпечаткам пальцев! Возникает ощущение, что база данных включает все население страны, но во Франции и Бельгии это не так.

Герои телеэкранов всегда раскрывают преступления благодаря оставленным следам. Представление о том, что дела обстоят именно так, настолько прочно укоренилось в сознании, что некоторые американские суды присяжных отказывались признавать преступников виновными только потому, что на месте преступления не обнаружилось никаких следов ДНК. Нет ДНК – нет и преступника. Проблема заключается в том, что реальность необязательно соответствует тому, что показывают в сериалах, и на месте преступления не всегда находят следы. Если гиперболизировать это предположение, то можно прийти к выводу, что без следов нет и преступления.

Наконец, в сериалах профессионалов часто представляют как людей, охваченных сильными эмоциями, вероятно, чтобы сделать их более привлекательными и понятными зрителю. Между тем судебный эксперт должен быть как можно более уравновешенным, что гарантирует беспристрастное отношение ко всем сторонам конфликта. Уравновешенность предполагает умение владеть своими эмоциями. Это не значит, что следует быть бесчувственным – просто эмоции не должны брать верх над разумом. Такой баланс поддерживать не всегда легко. Особенно если проводятся вскрытия детей!

Итак, всем этим я хотел сказать, что сериалы нужно воспринимать только как средство развлечения. К тому же их создатели никогда не претендовали на большее.

А теперь я приглашаю вас проследовать за мной на места преступлений. Разумеется, при условии, что вы не забудете о защитной экипировке...

Оживший покойник

«Алло, доктор? Мне бы хотелось, чтобы вы посмотрели на умершего. Смерть выглядит естественной, но я бы предпочел, чтобы вы это подтвердили».

В то время (по крайней мере, в Льеже) судмедэксперта отправляли для осмотра всех тел с признаками насильственной смерти, то есть почти всех убийств и самоубийств, а также людей, умерших у себя дома в одиночестве. Такая система эффективна, потому что позволяет выявлять убийства, которые иначе остались бы незамеченными. Сегодня судмедэксперта вызывают, только если смерть кажется подозрительной – когда есть основания предполагать, что она произошла не без вмешательства другого человека. При таком раскладе у нас нет возможности выявления убийства, если оно не оставило очевидных следов. Выходит, некоторые преступления не были и никогда не будут найдены.

Приезд по вызову прокурора имеет то несомненное преимущество, что можно припарковать машину даже там, где это запрещено (разумеется, при условии, что она не будет мешать проезду других машин). Как правило, полицейские рады прибытию судмедэксперта, так как он снимает с их плеч невыносимый груз ожидания. Иногда нас действительно приходится ждать долго, так как в городе много пробок, а в том, что мы делаем, нет такой срочности, как в действиях скорой помощи. Несколько лет назад некоторые судмедэксперты попросили разрешить им использование проблескового маячка синего цвета и сирены, но министерство транспорта отказало, объяснив это тем, что с осмотром мертвого тела всегда можно повременить. Спорить с этим, конечно, не приходится, но такой подход оттягивает начало нашей работы.

Когда я приезжаю на улицу, где находится тело покойного, мне никогда не надо искать номер дома – около него, как правило, припаркована полицейская машина. В тот день я остановился перед 11-этажным зданием. Возле места происшествия я заметил одного из полицейских в состоянии легкого стресса. Он был явно раздражен: «Поднимайся быстро, он жив».

Мне показалось, что я ослышался, и у меня непроизвольно вырвалось вопросительно-изумленное «Что?!».

– Он жив, и я жду скорую помощь. Врачи скоро будут, поднимайся быстро.

Я тут же отправился к лестнице. Уже на втором этаже я понял, что не знаю, на каком этаже мне следует остановиться. Впрочем, я был уверен, что там будет открыта дверь и все сразу станет ясно. Так и случилось: дверь оказалась открыта на третьем этаже. В однокомнатной квартире на полу лежал мужчина. Возле стояли двое полицейских. Я поприветствовал их и спросил у лежащего на полу человека – скажем, его звали Бернар, – что с ним произошло. По его словам, он упал и не смог подняться. Во время нашей беседы я пытался выяснить, почему он упал. Спросил, болит ли у него что-нибудь и как давно он лежит на полу. Бернар объяснил, что у него ничего не болит с тех пор, как ему протезировали бедро, но он не знает, сколько времени лежит на полу. Я пришел к выводу, что он оступился, потерял равновесие и рухнул на пол.

Я наступил на разбросанные на полу запечатанные письма и отметил, что на конвертах стоит позавчерашняя дата. А осмотрев комнату, увидел разбросанные повсюду пустые банки из-под известного дешевого пива, горячим поклонником которого Бернар явно являлся.

Наконец приехали врачи скорой помощи, которых очень удивило мое присутствие на месте происшествия, ведь обычно они приезжают гораздо раньше меня. Я поделился с ними своими наблюдениями и уточнил, что, судя по всему, Бернар оставался в таком положении не менее 2 дней. Это имело значение, так как нельзя исключать возможность гипотермии – то есть Бернар, лежа на холодном плиточном полу, мог переохладиться. Помимо прочего, это повышало риск развития crush syndrome – синдрома длительного сдавливания, представляющего собой патологию, которая возникает, когда мягкие ткани испытывают кислородное голо-

дание в результате нарушения кровообращения. Так бывает в том числе и когда тело остается в одном и том же положении на протяжении долгих часов.

Бригада скорой помощи забрала Бернара. Моя миссия оказалась выполнена, даже не начавшись. Как окажется впоследствии, Бернар прожил еще много лет. После того как его увезли, я попросил полицейских объяснить, что произошло. Их вызвали в связи с тем, что «человек не отвечал ни на звонки, ни на стук в дверь» – классическая формулировка, передающая беспокойство в связи с отсутствием реакции от одиноких людей. Приехав по вызову, полицейские выломали дверь и обнаружили Бернара без признаков жизни на полу. Затем они обратили внимание на присутствие личинок насекомых рядом с телом и посчитали это признаком начала разложения тела, что представляется абсолютно логичным. Тогда они предупредили заместителя прокурора, а тот позвонил мне с просьбой приехать на место.

В ожидании моего приезда полицейские попытались точно идентифицировать Бернара, что является обязательной процедурой. С этой целью они начали искать его документы, но в комнате их, к сожалению, не нашлось. Так как на Бернаре был костюм с пиджаком, они предположили, что во внутреннем нагрудном кармане его пиджака должен находиться бумажник – так чаще всего бывает, если мужчины носят костюм. Бернар лежал на животе, и один из двух полицейских – самый отважный – просунул руку между полом и телом Бернара, залез во внутренний карман пиджака, нашел там бумажник, схватил его и попытался вытащить, как вдруг... «покойник» схватил его за руку. Только представьте всю степень изумления и тот ужас, который испытал полицейский! Любой другой, более чувствительный человек на его месте легко бы получил инфаркт. А ведь их мысли шли в правильном направлении, так как рядом находились личинки мух. Но раз Бернар был жив, как объяснить присутствие личинок? На самом деле они могут обнаруживаться и в двух других случаях.

Но давайте пойдем по порядку. Запах разлагающегося трупа привлекает насекомых вообще и мух в частности, и на каждом этапе разложения на различные запахи слетаются разные насекомые. Их называют «некрофаги» или «мертвоеды» в зависимости от того, питаются ли они трупами или пожирают насекомых-некрофагов. Вместе они образуют энтомофауну, или фауну насекомых, трупа, а изучающая их дисциплина называется судебно-медицинской энтомологией.

Они появляются на трупе уже через несколько часов после смерти, а это означает, что, хотя мы их не чувствуем, труп очень быстро начинает распространять запахи, привлекающие насекомых. Первыми к телу устремляются зеленые, синие или серые мясные мухи. У них есть разнообразные латинские научные названия: например, *Musca domestica* (комнатная муха), *Lucilia sericata* (зеленая мясная муха), *Calliphora vomitoria* (красноголовая синяя падалица) и *Calliphora vicina* (синяя мясная муха). Иногда они прилетают издалека, преодолевая дистанцию в несколько десятков километров, так как их привлекает запах, который проходит сквозь едва приоткрытое окно. Мы можем испытывать по отношению к мухам какое угодно отвращение, но они помогают точно установить момент наступления смерти – иногда с невероятной точностью, как мы увидим в следующей главе.

Первых мух привлек распад аммиака, который охватывает ткани. Бернар помочился под себя, и мух привлек запах мочи. Они прилетели и отложили яйца – поэтому полицейские решили, что Бернар умер, а его тело уже находится в состоянии разложения.

Мухи приносят и другую пользу: в то время как одни из них являются съедобными и служат ценным источником кормового протеина, другие отлично очищают раны. Их личинки поедают исключительно мертвые, поврежденные некрозом ткани. Таким образом, они обрабатывают рану, когда она инфицирована.

В один прекрасный летний день я смог убедиться в этом на личном опыте. Мне позволили по очень необычному поводу: речь шла о мужчине, жившем со своей 82-летней супругой, скончавшейся в постели. Каждый вечер он приходил, ложился в кровать и спал рядом с ней.

Когда полицейские обнаружили ее, они решили, что она умерла. То же самое решил и врач, которого они вызвали для констатации смерти. Судья же позвонил мне в связи с очень странными обстоятельствами этой истории, и во время осмотра я сразу же понял, что эта женщина не умерла – у нее не было никаких обычных признаков смерти. Тогда я немедленно вызвал бригаду скорой помощи, и врачи быстро приехали на место. Мы вместе оценили ситуацию и пришли к выводу, что любые попытки перемещения тела могут привести к смерти женщины. Она находилась практически в бессознательном состоянии, ее организм был полностью обезвожен, но она чувствовала боль – об этом явно сообщало выражение ее лица, если кто-то к ней прикасался.

Прилетевшие мухи отложили яйца, из которых вылупились личинки, во влажных местах – там, где кожа контактировала с простынями, где проступал пот, а также в местах, где была ее моча, поскольку за женщиной не ухаживали, а сама она не была в состоянии встать с постели. Именно присутствие личинок убедило полицейских и приехавшего вслед за ними врача в том, что женщина скончалась. Трудно сказать, сколько времени это продолжалось, но с учетом размера личинок прошло не меньше одной недели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.